

Василий Брусянин

**«Жизнью пользуйся,
живущий»...**

Василий Васильевич Брусянин
«Жизнью пользуйся,
живущий»...
Серия «Опустошённые души»

Аннотация

«Как всё это странно и непостижимо случилось!

Только вчера они вместе были в этой большой комнате с конторками и столами. Бухгалтер Блутов сидел на своём высоком стульчике перед конторкой и делал подсчёт «чужих» денег.

Это занятие друга – подсчёт «чужих» денег – всегда казался Казимирову странным и даже смешным занятием. Да и сам Казимиров служил около «чужих» денег и жертвовал своими молодыми силами во имя тех же «чужих» денег. Особенно ярко он чувствовал эту странность вчера...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Василий Брусянин

«Жизнью пользуйся, живущий»...

1

Как всё это странно и непостижимо случилось!

Только вчера они вместе были в этой большой комнате с конторками и столами. Бухгалтер Блулов сидел на своём высоком стульчике перед конторкой и делал подсчёт «чужих» денег.

Это занятие друга – подсчёт «чужих» денег – всегда казался Казимирову странным и даже смешным занятием. Да и сам Казимиров служил около «чужих» денег и жертвовал своими молодыми силами во имя тех же «чужих» денег. Особенно ярко он чувствовал эту странность вчера.

Он подошёл к Блулову и сказал:

– Пётр Иванович, идём в буфет перекусить.

Блулов отмахнулся рукою и сказал:

– Иди!.. Я потом... Надо закончить месячную отчётность...

Но он не закончил этой отчётности, не подсчитал «чужие» деньги, а утром на другой день умер.

Умер странно-одиоко, точно утонул в какой-то пустоте,

¹ В. А. Жуковский «Торжество победителей».

и никто не заметил, как он переселился из этого «божьего света» в тьму вечности.

Лакей «меблировки» пришёл будить Блудова в десятом часу утра, а в одиннадцать вызванный полицейский врач уже сказал свои страшные слова:

– Он умер от разрыва сердца...

Казимиров ясно представлял себе эту «меблировку» с длинным коридором и дверьми по обе стороны. В одну из этих дверей входил Блудов, когда возвращался домой, из той же двери выходил, когда отправлялся на службу. Как будто эта дверь с цифрой 46 была родной матерью Блудова; каждое утро она рождала его, чтобы он шёл на службу и подсчитывал «чужие» деньги; каждый вечер эта же дверь распахивалась перед Блудовым и встречала его как мать родная, с распростёртыми объятиями.

Казимиров видел, как из той же двери выносили бездыханный труп друга, и он тогда же подумал: «Как всё это странно»...

А когда труп Блудова лежал в гробу, в покойнице, он опять подумал: «Как всё это странно»...

И только когда глазетовый гроб с останками Блудова везли чёрные лошади под тёмными попонами, а за тёмным катафалком шли сослуживцы покойного, какие-то новые чувства и представления ворвались в душу и мозг Казиминова и точно переделали в нём что-то: смерть перестала казаться страшной.

Было холодно и ветрено. Шёл мокрый снег и облеплял и тёмные попоны лошадей, и катафалк, и ризу батюшки, и цилиндры, шляпы и шапки на головах провожавших.

Этот холодный мокрый снег назойливо лез к лицу, садился на ресницы, орошал щёки... И казалось, будто все горько плакали.

А на самом деле никто не плакал. Да отчего было бы и плакать? Блулов для всех и всегда был чужой. В конторе, где он служил, его считали своим постольку, поскольку он умел считать «чужие» деньги. Жил он одиноко, родных не имел, но друзей у него было много.

«У тех, кто часто бывает в ресторанах, друзей много», – думал Казимиров, бредя за катафалком и отирая платком лицо, залепленное мокрым снегом.

В тот день, когда хоронили Блулова, все идущие за его гробом долго плакали мокрым снегом вместо слёз, все утомились дальней дорогой до кладбища, всем хотелось отдыха, тепла, рюмки водки, обычной перед завтраком.

А Казимиров думал: «Умереть недолго, а вот до кладбища идти приходится долго... Какая бессмыслица отводить место под кладбище за городом... Да вообще – бессмыслица хоронить тухлые трупы людей... Скорее бы ввели... эту, как её»...

Казимиров вспоминал, как называется процесс сжигания мёртвых тел, но так и не вспомнил, и всё же успокоился на мысли, что было бы лучше, если бы трупы сжигали, а пе-

пел хоронили в вазах. А так как у Блудова родных не было, которые могли взять себе вазу с его останками, то эту вазу можно бы было поставить в какой-нибудь комнате управления. Казимиров стал перебирать в памяти имена умерших сослуживцев и насчитал их до десяти, и нашёл свой проект неосуществимым: тогда пришлось бы отвести для ваз с пеплом покойных сослуживцев отдельную комнату. А где она, если и тем, кто ещё жив и работает в управлении, приходится задыхаться в тесноте.

Когда схоронили его друга, и сослуживцы выпили и закусывали за упокой души покойного в скверной кухмистерской, где-то у Смоленского кладбища, расположение духа Казиминова окончательно испортилось.

Его знобило. Он пил коньяк, но вино не помогало. Он боролся с новым настроением и думал: «Какая бессмыслица – тащиться версты четыре по холоду. Может быть, я простудился, а потом захвораю... и умру»...

С мыслью о смерти он вошёл в большую белую комнату, где три-четыре дня назад Блудов подсчитывал «чужие» деньги, и не мог сосредоточиться на работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.